

ОТКЛИКИ НА СМЕРТЬ ГЕРЦЕНА ПО МАТЕРИАЛАМ ИНОСТРАННОЙ ПЕЧАТИ И «ПРАЖСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ»

СТАТЬИ М. А. БАКУНИНА и С. ДЕРЖЕВА В «LA Marseillaise» и А. ТАЛАНДЬЕ В «LA DEMOCRATIE». — ЗАМЕТКИ В АНГЛИЙСКОЙ, БЕЛЬГИЙСКОЙ, ГЕРМАНСКОЙ, ФРАНЦУЗСКОЙ И ШВЕЙЦАРСКОЙ ПРЕССЕ. — ПИСЬМА Ю. АЛЬТГАУЗА, Т. А. АСТРАКОВОЙ, М. БЕРДУШЕКА, К. БИГГЭ, Ж.-Б. БОКЕ, О. А. ГЕРЦЕН, Е. В. КАСАТКИНОЙ, Л. КОСТА, г-жи А. МИШЛЕ, ОГАРЕВА, Е. И. РАГОЗИНА, М. К. РЕЙХЕЛЬ, М.-А. САФФИ, И. С. ТУРГЕНЕВА, Н. А. ТУЧКОВОЙ-ОГАРЕВОЙ, Э. ФОРТА, Г. ХИЛЬНИЧА и Л. ЧЕРНЕЦКОГО

Публикация Л. Р. Ланского

Сообщения о смерти Герцена появились в парижских газетах 22 и 23 января 1870 г. В ближайшие дни известие это было напечатано в большинстве крупных западноевропейских газет. Вслед за тем на страницах многих периодических изданий самых различных направлений были опубликованы обширные некрологи, дававшие оценку Герцену как политическому деятелю, публицисту и художнику¹. Далеко не все эти некрологи отличались сочувственным отношением к деятельности Герцена и пониманием ее исторического значения. В большинстве из них Герцен изображался убежденным сторонником мирной эволюции, деятелем, будто бы отошедшим под конец жизни от прежних революционных воззрений. Некоторые буржуазные газеты поместили на своих столбцах откровенно-клеветнические корреспонденции, в которых Герцен характеризовался как восторженный почитатель Александра II и его реформ.

С резким разоблачением этой фальсификации выступил М. А. Бакунин. Он напечатал в парижской газете А. Рошфора «La Marseillaise» статью (в форме открытого письма к редакторам), в которой беспощадно заклеил репутацию французскую прессу, так же как и ее покровителей из официальных кругов царской России, и раскрыл перед читателями тактику и приемы диффамации, принятые в отношении Герцена этой частью буржуазной печати.

Бакунин не удержался при этом от искушения представить Герцена (впрочем, с некоторыми существенными оговорками) как своего политического единомышленника-анархиста. Этой статьей Бакунин не собирался ограничиться: он предполагал опубликовать в «La Marseillaise» целую серию статей о Герцене. Своего намерения, однако, он не осуществил. Можно думать, что в основе этих статей Бакунина должна была лежать скрытая полемика с Герценом, в особенности с его письмами «К старому товарищу», нанесшими тяжелый удар мелкобуржуазному индивидуализму и анархизму.

Несмотря на несостоятельность отдельных утверждений, выступление Бакунина в защиту Герцена и его революционной непримиримости имело большое политическое значение. Оно помогло демократическому читателю в Западной Европе оценить по достоинству клеветнический вздор, распространявшийся о Герцене в буржуазной печати.

«Граждане,— писал Бакунин 6 февраля из Женевы, адресуясь к редакторам „La Marseillaise“², — возвратившись после продолжительного путешествия по странам, куда с трудом доходят газеты, только два дня тому назад, я узнал горестную весть о смерти моего друга и соотечественника, Александра Герцена.

Это огромная потеря для его друзей, для дела русского освобождения, и, смею сказать, для освобождения всего человечества. Одаренный великолепным умом и отличным пониманием всего справедливого и истинного, Герцен был, прежде всего, человек.

Патриот, он любил родину, как сын, получивший свободу, любит свою мать-рабыню,— с нежностью, удвоенной горестью и стыдом,— и он домогался для нее лишь торжества гуманности. Он ненавидел ее грубую силу и внешнее величие, результат и причину ее внутреннего порабощения. Мыслитель-реалист, смелый и глубокий, Герцен был убежденным социалистом-демократом.

Подробная его биография с полным перечнем литературных и политических трудов не замедлит вскоре появиться,— я уверен в этом. И никто не имеет в такой степени право и долг написать ее, как друг детства и неразлучный соратник его Николай Огарев.

Что до меня, то я в настоящий момент ставлю перед собой другую цель — покарать наглых клеветников, не захотевших дожидаться погребения еще не остывшего тела нашего друга, чтобы забросать его память грязью своего продажного пера.

Я уже не молод, граждане, и я видел столько гадостей за время своей долгой жизни, что новая гадость, даже самая отвратительная, меня уже почти не удивляет, особенно, когда мне известен ее русский официальный источник. Разве русская полиция или дипломатия не превосходили всегда все другие дипломатии и полиции своим искусством бесстыдной лжи и дерзостью гнусных, но доходных проделок? И тем не менее, как ни подготовлен я ко всему, что может хлынуть из этого мерзостного источника,— признаюсь, я оцепенел, читая не в петербургских или московских, а в двух больших парижских газетах, основанных г. Эмилем де Жирарденом и вследствие этого равно преданных интересам московской дипломатии,— в „La Presse“ и „La Liberté“, две заметки, в которых нагло утверждается, что Герцен умер, совершенно примиренный с политикой, проводимой в России, так же, как и в Польше, царем Александром II, „без сомнения, самым либеральным человеком во всей России“, по мнению „La Presse“. Более того, Герцена изображают чуть ли не как наиболее свирепого поклонника этого столь гуманного царя, который в одни лишь последние восемь лет истребил, расстрелял, повесил, подверг пыткам, засек, отравил, удушил и уморил с голоду в тюрьмах и сибирских рудниках в десять раз больше человеческих существ, поляков и русских, включая женщин и детей, чем сделал это в течение тридцати лет своего царствования его отец, грозный, злойшей памяти, император Николай! Герцен, примирившийся с ним! Герцен поклонник этого лицемерного и коронованного палача?

В этой лжи столько циничной дерзости, что она в некотором роде доходит до гениальности. На этот раз русские корреспонденты „La Presse“ и „La Liberté“ явно превзошли себя, ибо обычно они бывают более наивны, чем злы, и несносная нелепость их идей может быть сравниваема лишь с вульгарностью выражаемых ими чувств. Это плоско и подло, вот и всё, и когда читаешь их обычные ежедневные корреспонденции, поистине не знаешь,— чему более удивляться: глупости ли русского правительства, которое их оплачивает, героической ли преданности главных редакторов газет, которые их печатают, или простодушию французской публики, которая их читает.

Читали ли вы статьи некоего г. де Беллина в „La Liberté“? Боюсь, что нет. Жаль. Если бы вы их прочли, вы были бы восхищены беспримерным счастьем, которым наслаждаются семьдесят миллионов душ, управляемых отеческим жезлом ласкового пастушка — императора Александра II.

В этой обширной империи, которую так плохо понимали и на которую столько клеветали, — все прекрасно. Все дышит миром, взаимным доброжелательством, душевным и телесным спокойствием, свободой, неизвестной в других странах и приятно сочетающейся с общественным порядком,

ГЕРЦЕН НА СМЕРТНОМ ОДРЕ

Фотография, между 21 и 23 января 1870 г.

«Пражская коллекция»

Центральный архив литературы и искусства, Москва

кротостью, цивилизацией, невинностью, благоденствием! Ничто не может дать представления о богатстве, как общественном, так и промышленном, его подданных. Наши министры финансов, в сравнении с коими Сьюлли, Кольберы и Гладстоны — только школьники, не знают, что делать с золотом, которое народ, пресыщенный таким благосостоянием, умоляет их принять. Кредит безграничен, взаимное доверие не имеет пределов.

Правление в России является не чем иным как непрерывным объятием, которое, правда, довольно часто душит, но всегда от избытка нежности. Именно так превосходный, блаженной памяти Муравьев обожал этих неблагодарных поляков! Именно так наш освободитель, добрый царь Александр II любит всех своих подданных, без различия национальности.

Что сказать вам еще? Император, „являющийся не только нашим государем, но и отцом нашим“, как это прекрасно объяснил в своей брошюре, изданной против г. де Кюстина, и изданной около двадцати пяти лет тому назад в Париже, г. Николай Греч, заслуженный шпион и духовный

отец всех Беллина настоящего времени, — императора чтят у нас наравне с богом.

Все его министры — архангелы, все его генералы — ангелы, а его полковники — херувимы. Министр граф Панин, которого Герцен сравнивал с шестом, — вот какова его ученость и ум, — самый выдающийся юрист Европы, а знаменитый Катков, редактор „Московских ведомостей“, журналист-доносчик, поставщик палача, друг Муравьева, — словом, уступает в уме, честности и гуманности только знаменитому редактору московской <?> „Liberté“.

Вот, граждане, что публикуется ежедневно в большой парижской газете. Вполне естественно, что люди, подкупленные русским правительством, пишут это. Можно было бы лишь удивляться соучастию г. Эмиля Жиардена. Но всем известно, что милости русской дипломатии неотразимы и что великий публицист влюблен в нее более тридцати лет. Верный любовник, он не упустил ни одной возможности защитить интересы своей могучей возлюбленной и проклясть этих ужасных поляков, которые без крика никогда ей не позволяли обнимать себя. Он, кажется, сумел наделить этими странными симпатиями и антипатиями своего друга, великого поэта Ламартина. Впрочем, неизвестно точно, кто из них двоих совратил другого, — во всяком случае несомненно, что г. Альфонс де Ламартин во время самых различных фаз своего многославного существования — поэт-трибун, государственный деятель, спаситель республики — был, как известно, тесно связан с г. Жиарденом в этой двойной страсти: безграничной любви к русской империи и неудержимой ненависти к польской свободе — страсти, столь чудовищной, что для спасения доброй славы их ума и вкуса иногда казалось, что интерес иного рода не совсем был им чужд.

Г-н де Ламартин умер, испутив последний красноречивый вопль в поддержку плантаторов-рабовладельцев и против республиканского Севера, этих освободителей черной расы в Соединенных Штатах Америки, но г. Эмиль де Жиарден, оставшийся один и более чем когда-либо охваченный страстью к императорской России, продолжает служить ей изо всех сил. Эта верность трогательна, и любовь, которая омрачает наиболее гордые умы и заставляет умолкнуть самую щекотливую совесть, объясняет всё.

Гораздо менее объяснимо, граждане, не извиняемое ни расчетом, ни любовью долготерпение французской публики, которая допускает, чтобы ей ежедневно преподносили ложь, столь же возмутительную, сколь и глупую.

Ах, господа! Чем больше всматриваюсь я в вашу буржуазную цивилизацию, тем большее отвращение она во мне вызывает. Не обладая гуманностью, достоинством, справедливостью, она не в состоянии внушить хоть подобие стыдливости этим торговцам убеждениями и идеями, выдающим себя у вас за представителей общественного мнения. Поистине, это — жалкое мнение, поскольку после восьмидесяти лет революций и политического воспитания оно так мало уважается, что пред ним осмеливаются открыто провозглашать себя поборниками московских императоров, империи политики и, чтобы служить этим самым варварским, самым лицемерным, самым цинично-бесчеловечным вещам, когда-либо существовавшим на земле, не боятся клеветать среди бела дня на людей, которые в продолжение всей своей жизни являлись их непримиримыми противниками!

Впрочем, развращенность вашей публики касается вас самих, и только вам одним, социалистическим демократам Франции, должно судить ее. Поэтому, пока эти продажные лжецы довольствовались тем, что изображали императорскую Россию как самую прекрасную из всех империй, мы ограничивались тем, что смеялись над невежеством и глупостью читателей этих статей. Не скажу, чтобы наше молчание было особенно похвально. Напротив того, я думаю, что мы были глубоко неправы и что

если народная Россия еще мало известна в Европе, большая часть вины за это падает на нас. Как бы то ни было, — отчасти от отвращения, отчасти из лени, — мы все же совершили эту ошибку. Мы молчали и предоставили возможность говорить этим лакеям императорской России, не удостоивая их ответом, рассчитывая на умную и честную часть вашей публики, которой следовало бы надлежащим образом оценить бесстыдное раболепие в соединении с такой исключительной глупостью.

Сегодня, в виде исключения, эти лакеи проявили некоторые признаки ума. Вдохновленные своей ненавистью к Герцену и радостью от сознания, что он умер, — он, чье грозное перо уничтожало и хозяев и слуг одновременно, — они поняли, что не смогут лучше оскорбить и осквернить его память, как расточая ему похвалы, сочувствие и восхищение. Они поняли, что это будет мастерским приемом — представить его, великого социалистического мыслителя и непримиримого противника царя Александра II, как его поклонника, и они посмели написать следующие слова:

„Восшествие на престол Александра II, человека, без сомнения, самого либерального во всей России, явилось, наконец, для Герцена сигналом победы и покоя. Юный царь освободил крепостных, и старый полемист отложил в сторону свое боевое перо“ („La Presse“ от 25 января).

„La Liberté“ от 23 января, в статье, подписанной г. де Беллина и афиширующей самое откровенное восхищение „знаменитым революционером“, утверждает также, что „Колокол“ (газета Герцена) „перестал звонить в тот день, когда Герцен понял, что реформы, совершившиеся в России, частично отвечают его собственным желанием“, затем она добавляет: „Последние номера „Колокола“ были весьма замечательны. В них обсуждался польский вопрос. По мнению Герцена, старая Польша умерла, но польский народ, которого указы 1864 г. возвратили к жизни, родился вновь. Идеей Герцена в этом вопросе всегда была свободная Польша в составе свободной России“.

Замысел русских корреспондентов „La Presse“ и „La Liberté“ более чем ясен: они хотели бы реабилитировать русскую политику, поставив ее под покровительство Герцена, и, одновременно, обесчестить Герцена, представляя его сторонником этой политики.

Это гнусно, это отвратительно, но совсем не глупо. Можно подумать, что в данном случае г. Эмиль де Жирарден уделил этим людям крупницу своего ума!

Перед лицом подобного покушения на память нашего друга молчание с нашей стороны явилось бы преступлением. Итак, на этот раз мы ответили; только высказав всю правду, мы совершим правосудие.

Кроме Николая Огарева — его и моего собственного друга, которому горе мешает еще высказаться, — никто, кроме меня, пожалуй, не имеет столько оснований, чтоб отдать должное Герцену.

Я был тесно связан с ним в продолжение более тридцати лет. Он оказал мне неоценимые услуги, особенно тогда, когда, бежав из Сибири и проехав через Китай, Японию, Тихий океан, Сан-Франциско, Панамский перешеек и Нью-Йорк, я прибыл в Лондон, в последние дни 1861 года, совершенно лишенный средств... Герцен и Огарев встретили меня, как брата.

Живейшая признательность, которую я тогда испытывал и которую храню до сих пор в сердце как драгоценное сокровище, не могла, однако, помешать тому, что между нами вскоре возник серьезный антагонизм по довольно важным вопросам революционной практики. Мы много спорили, обсуждали, мы кончили даже тем, что в некоторой степени разошлись в наших политических направлениях, без того, однако, чтобы дружелюбные наши чувства друг к другу потерпели хоть малейший ущерб. Спешу, впрочем, добавить, что все эти расхождения касались только средств, но

никогда не касались цели. Когда речь шла о цели, мы всегда бывали согласны.

Герцен, Огарев и я, мы всегда имели только одну цель — уничтожение лжи, небесной и земной, уничтожение всякой власти, божественной и человеческой, разложение церкви, доктринерской школы, патриархального, юридического и политического права в государстве, уничтожение государств и — на их развалинах — окончательное торжество человечества, вследствие всеобщего образования, труда и свободы каждого в экономическом и общественном равенстве.

Это письмо слишком затянулось, граждане, но если вы согласитесь оказать ему гостеприимство в вашей газете, я пришлю вам еще два или три письма. Я буду говорить в них, прежде всего, о политической деятельности Герцена и затем попытаюсь представить подлинное положение русского народа и дать вам верное представление об огромном движении, готовящемся теперь в России. Примите и пр. М. Б а к у н и н ».

Появление письма Бакунина на страницах «La Marseillaise», конечно, не было случайностью — эта радикальная демократическая газета с большой симпатией относилась к Герцену и напечатала ряд сообщений о его смерти и похоронах, а также большой некролог, принадлежавший перу деятельного сотрудника газеты — S. Deregue. По утверждению автора некролога, он был лично знаком с Герценом, который «с радостью и гордостью» показывал ему письма своих русских читателей. (В переписке самого Герцена упоминаний о Дерёре не встречается.)

«Умер Александр Герцен, великий русский патриот, — писал Дерёр. — Эта смерть — национальный траур для России, она же явится праздником для русского правительства: Александр Герцен клеймил это правительство своей жгучей иронией в течение пятнадцати лет. На протяжении более десяти лет Герцен защищал в своей газете „Колокол“, бок-о-бок с Бакуниным и Огаревым дело угнетенных в России, с упорством и самоотречением, тем более высокими, что ему не доставались, в качестве поощрения, даже рукоплескания толпы единомышленников. Его газета, издававшаяся в Лондоне, а затем в Женеве, проникала в Россию с величайшим трудом, а русские, читавшие ее за границей, к сожалению, были не теми людьми, к которым обращался Герцен. Однако сила правды такова, что от Архангельска до Одессы и от польской границы до китайской имя Герцена известно и благословляемо народом.

Звук его „Колокола“, вопреки русской полиции, не раз достигал слуха несчастных людей, осужденных на каторжные работы в сибирских рудниках, и не давал им умереть от отчаяния. С какой радостью и с какой гордостью показывал он нам свидетельства благодарности и одобрения, доходившие до него иногда от незнакомых и далеких друзей, которых ему удалось утешить.

Это было его единственным вознаграждением. Герцен мало занимался пропагандой, и, предоставленный исключительно собственным силам, он недолго мог бы бороться, если бы русская полиция, распространяя на его счет устами продажных журналистов самую постыдную ложь и самую гнусную клевету, не напоминала периодически тем, кто не мог его читать, что там, далеко, в свободной Англии, находится русский, посвятивший свою жизнь торжеству свободы <...>

Этот великий гражданин, которого русское правительство пыталось выдать за людоеда, жаждущего крови, за изменника своей родины, был наилучшим и добрейшим человеком в мире <...>

Полное собрание сочинений Герцена, переведенное на французский язык, явилось бы одним из интереснейших изданий, и философы, мыслители, образованные люди нашли бы там множество драгоценнейших откровений.

СООБЩЕНИЕ О СМЕРТИ ГЕРЦЕНА
В ПАРИЖСКОЙ ГАЗЕТЕ
«LA MARSEILLAISE»

№ 36 от 23 января 1870 г.

Dimanche 23 janvier 1870. N° 36

SE

Adressez toutes les communications
à **M. MILLIÈRE**
DIRECTEUR-GÉRANT

—

ANNONCES

LACROIX, CERF ET Ce, 8, PLACE DE LA BOURSE

francs. — Six mois, 32 francs. — Un an, 64 francs.

part des faits de notre époque
sont incompris, ignorés et risquent
d'être travestis.
Il y a sur ce point une enquête à faire
et elle doit être faite.

CHARLES HABENECK.

Nous avons le regret d'annoncer la mort
du célèbre républicain socialiste russe
Alexandre Hertzén, mort ce matin, à Paris,
à la suite d'une courte maladie.

Nous consacrerons, demain, à cette grande
intelligence, à ce vaillant cœur, une étude
spéciale. C'est à Hertzén que la Russie
doit d'être entrée dans la vie moderne, à la
vie de la justice pour tous, qui unit tous les
peuples.

L'enterrement civil aura lieu dimanche à
midi. On se réunira à la maison mortuaire,
172, rue de Rivoli.

MOROT.

Его политические сочинения, его мемуары и особенно его романы были бы — мы уверены в этом — хорошо приняты французской публикой».

Утверждая, что Герцен в последнее время будто бы полностью отошел от политической деятельности, автор статьи заключает:

«Можно сожалеть, конечно, что такие великие граждане, как Александр Герцен, устают от борьбы, не достигнув конечного пункта, но задача, выполняемая ими, тяжела и сурова, и, к тому же, они имеют право на отдых в гораздо большей степени, чем люди, наслаждающиеся и удовлетворенные. Но как бы то ни было — умирают ли они во время борьбы, или падают от усталости еще до конца своего пути — заслуги их перед человечеством от этого не менее велики, и независимые люди всех стран должны проводить их слезами и последним приветом, ибо могучее дыхание пронеслось над миром и оживило его. Их честолюбие не доходит до того, чтобы притязать на увенчание здания, — они уходят из жизни умиротворенные и успокоенные, если только внесли хоть один камень или даже песчинку в дело свободы и прогресса, которому никогда не суждено быть увенчанным, ибо судьбою и долгом человека является его постоянное совершенствование»³.

В большом некрологе, опубликованном в парижской газете «La Démocratie» и перепечатанном в № 56 «L'Internationale» (органе бельгийских секций Интернационала) * от 6 февраля 1870 г., Альфред Таланье,

* Этот некролог цитируется нами по «L'Internationale».

видный французский революционер, многолетний друг Герцена, называя умершего «величайшим мыслителем из всех рожденных Россией, величайшим изгнанником, которого знала Европа», причислял его к «самым великодушным, самым нежным, подлинно гуманным сердцам, которые любовь к справедливости и ненависть к преступлению и лжи заставляли когда-либо биться». Таландые отмечал горячую любовь Герцена к «истинной Франции, Франции революционной и социалистической». «Конечно, — продолжал Таландые, — он неоднократно говорил о нас с суровостью, более чем оправдываемою в наших собственных глазах той низостью, до которой наша страна опустилась на слишком долгое время, — но в горечи его слов легко было распознать нежность друга, надежды которого были позорно преданы! <...> Нам хотелось бы видеть в возвращении Герцена в Париж признак того, что в Герцене наша точка зрения начинала побеждать сомнения, которые — в этом надобно признаться — часто овладевали и нами самими, французами, во время долгих лет изгнания.

Одно из необходимейших условий развития европейской революции он видел в союзе Востока и Запада, основывающемся на взаимном проникновении современной западной идеи, социализма, и коммунистических обычаев, традиционных у русского народа».

«Пусть Россия, — писал в заключение Таландые, — являющаяся добычей реакции, успех которой, как мы смеем надеяться, только кратковременен, даже не понимает теперь размера понесенной ею жертвы; мы убеждены, тем не менее, что великий голос, недавно умолкший, вскоре будет услышан, признан, вызовет последователей, и влияние его будет тем более могущественно, чем мучительней была жертва, которую он сумел принести.

Близок день, когда исполнится предсказание, сделанное Вырубовым на могиле Герцена, и вся европейская социалистическая демократия наденет траур по этому великому гражданину, великому изгнаннику. С этих пор Франция, на долю которой выпало хранить бранные останки Герцена, будет верно оберегать эту могилу — залог мира и дружбы между Западом и русским народом»⁴.

* * *

Смерть Герцена явилась полной неожиданностью для его родных и близких. У изголовья умирающего находились лишь его дочери, Н. А. Тучкова-Огарева, М. Мейзенбург и Г. Моно. Сын Герцена, слишком поздно вызванный телеграммой из Флоренции, не успел стать отцом в живых. Огарев же, находившийся тогда в Женеве, получив известие о том, что Герцена нет более в живых, был охвачен таким глубоким отчаянием, что не в состоянии был приехать на похороны.

«Дорогая Мальвида, — писал он М. Мейзенбург. — Если я ничего не написал еще, то только потому, что онемел, ошеломлен и не могу ничего еще понять. Как это произошло? Единственное, что я ощущаю, — это, что все для меня потеряно и что я совсем теперь одинок. Никогда не предполагал я, что смогу его пережить. Это мне кажется противоестественным, но это факт, и я продолжаю жить для нашего труда.

Я не в состоянии писать более, слезы льются, рука отказывается писать. Ваш О г а р е в»⁵.

Младшая дочь Герцена, Ольга, писала в это время Огареву:

«Дорогой, горячо любимый Ага! Сколько событий может произойти за шесть дней!! Кто мог подумать, когда мы покидали Флоренцию, что мы идем навстречу смерти папы?

Для меня это страшный удар, — для меня, никогда не видавшей смерти, — я с трудом понимаю, что со мной случилось. Никак не могу я при-

выкнуть к отсутствию отца. Уверю тебя, что я всегда считала его бессмертным. Мне остается лишь крепко обнять тебя, — ты знаешь, что я люблю тебя так сильно, как если бы ты был моим отцом. Прощай. Люблю тебя. Твоя Ольга»⁶.

Одними из первых откликнулись на смерть Герцена близкие друзья покойного — знаменитый французский историк Ж. Мишле и его жена. Узнав, что Герцен в Париже и придя навестить его, Мишле был глубоко потрясен известием о смерти своего друга. «Великое сердце перестало биться, — сказал он М. Мейзенбуг со слезами на глазах, — это был настоящий человек, каких мало на земле»⁷.

В тот же день жена Мишле писала М. Мейзенбуг: «Я была сражена, узнав по возвращении мужа эту ужасную новость; этому невозможно поверить; яркое и деятельное пламя его духа никогда не исчезнет. Я слышу еще теперь, как он читает нам животрепещущую статью, настолько преисполненную его души, словно она вся целиком туда переселилась. Нельзя сказать, что он умер, ибо в нем заключалась жизнь целого народа; и этот народ мы будем в нем находить все более и более»⁸.

22 января, получив от А. А. Герцена, приехавшего в Париж, телеграмму о случившемся, И. С. Тургенев обратился к нему с таким письмом:

«Баден - Баден
Thiergartenstrasse, 9
Суббота веч. 22-го янв[а]ря» 70.

Я уже из газет узнал о кончине вашего батюшки, любезнейший Александр Александрович, но ваша телеграмма успокоила меня, известив о вашем прибытии в Париж и о нравственном состоянии ваших дам. Нечего вам говорить, какую скорбью наполнила мое сердце эта преждевременная смерть; я искренно любил и уважал вашего отца — и небольшие размолвки, происшедшие между нами, не ослабили и не изменили моих чувств к нему. И вот как нарочно, — после семилетней разлуки, — мне пришлось свидеться с ним — в самый день, как ему предстояло занемочь последней, смертельной болезнью — и свидеться с ним, веселым, бодрым, исполненным того же живого огня, который, несмотря на все тяжкие опыты его жизни, никогда не угасал в нем!.. На следующий день я уже видел его в постели, в сильнейшем жару — и самые недобрые предчувствия овладели мною — им предстояло сбыться! Очень мне было при-
скорбно уезжать из Парижа, но я не мог оставаться долее... Такой быстрой развязки я не ожидал. Когда-нибудь, когда вам или кому-нибудь из ваших окажется возможным возвратиться к этим страшным воспоминаниям и взяться за перо, — расскажите мне, как он умер, что он говорил в последние минуты... Не из любопытства спрашиваю я это — вы это знаете.

Не осталось ли что-нибудь после него в рукописи?

Известите меня, пожалуйста, о ваших намерениях: возьмете ли вы с собою ваше семейство — и вообще, где вы думаете пробыть первое время? — Что касается до меня, то прошу вас всегда быть уверенным в искренней привязанности, которую я ко всем вам питаю, и в теплом чувстве, которое я всегда сохраняю к памяти вашего отца.

Вполне приобщаясь вашему горю, жму вам всем руку — и остаюсь душевно вас любящий

Ив. Тургенев»⁹.

Незадолго до смерти Герцена с ним познакомился в Париже молодой русский экономист Евгений Иванович Рагозин, часто навещавший писателя во время его болезни.

Сразу же после похорон Рагозин прислал сыну Герцена следующее письмо (от 11/23 января 1870 г.):

«Милостивый государь,
Александр Александрович!

Семейство покойного Герцена не желало слышать речей на его похоронах, но оно не может отказать мне высказать мои чувства в письме. Я обращаюсь к вам, как представителю имени Герцена, и прошу у вас прощения для моей родины за те клеветы, которые распространяла о Герцене русская пресса, не понимаяшая его заслуг, его горячей любви к России и безусловной искренности убеждений. Я принадлежу к тому поколению, которое обязано своим развитием Герцену, я на себе лично испытал значение его деятельности и потому имею полное право сделать ее оценку.

Я кончал курс, когда раздался первый звон „Колокола“ из Лондона и когда я впервые услышал свободную речь независимого человека. Вам незнакомо царство рабства, вы не знаете, до какой степени невозможность свободно выражать свои мысли развращает язык народа и приучает его к формам рабской речи, которые, в свою очередь, производят новое давление на мысль, а потому вам, может быть, покажется странным, что я был поражен языком Герцена, я заучивал целые фразы из „Колокола“ и прислушивался к этой новой для меня мелодии звуков. Я был в положении дикого, слышавшего в первый раз музыку „Вильгельма Телля“ или „Гугенотов“. Вы можете себе представить отсюда, с какой страстью я читал все написанное Герценом и с каким увлечением первой молодости я отдался его мыслям и чувствам. В таком, приблизительно, положении было почти все русское общество в начале царствования Александра II.

Каждый номер „Колокола“, как молот, дробил оковы русской мысли и, освобождая ее, создавал новые силы в стране. Герцен своим энергическим словом и смелой мыслью разбудил умы в России, своей высокой честностью привлек к себе все симпатии. Он сослужил великую службу своей стране. Успех реформ последних двенадцати лет бесспорно обязан этой революции в умах, и Россия всегда будет помнить Герцена как лучшего своего гражданина.

Верьте мне, что раздававшиеся в русской прессе враждебные Герцену голоса очень малочисленны,— верьте, что Россия еще достаточно богата честными людьми, способными понимать и уважать заслуги и память Александра Ивановича.

Семейство Герцена, охраняемое этим чистым именем, может быть уверено встретить всегда радушный прием в России и найти искренних друзей во всех закоулках этой огромной страны. Вам искренно преданный

Евгений Рагозин¹⁰.

Старый друг Герцена и его семьи Мария Каспаровна Рейхель, находившаяся в это время в Швейцарии, близ Берна, потрясенная страшным известием и не смея в него поверить, писала Огареву:

«Николай Платонович!

Вчера читала я газетах, что Александр Иванович очень болен, сегодня, что его более в живых нет. Скажите, ради бога, дайте известие, верить ли этой ужасной новости? Я уже давно ничего не знаю ни о нем, ни о состоянии Таты. Не думала я, что о близком человеке придется из газеты узнать. Боже мой, неужели это правда!

Я писала вчера к Саше, но и он, вероятно, в Париже, а я там адреса не знаю.

Напишите, ради бога! М. Р е й х е л ь¹¹.

«Милая, дорогая Тата! — писала она же Н. А. Герцен вечером 24 января из Маттенгейма. — Как горько подтверждение того, что я уже из газет

знала; я все не верила, писала Саше и Огареву, чтоб узнать истину, но твое письмо пришло прежде. Друг мой, я знаю, как ты любила папу, и первая моя мысль была забота о тебе: как ты перенесешь этот удар, и потому я несказанно благодарна тебе, что ты сама написала.

Ты не пишешь о болезни папы, что с ним было, тебе трудно будет, но, прошу тебя, напиши мне о его последних минутах, о его болезни, напиши, когда ты будешь в состоянии это сделать.

И пиши мне о себе, милая, дорогая Тата, прошу тебя, не оставляй меня без известий, куда вы соберетесь, место житья, а я уже буду напоминать о себе. Твое горе мне так близко. Ты знаешь, как я любила папу — и как горько знать, что эта жизнь кончена... Несмотря на наши редкие сношения в последнее время, он не забыл старой дружбы, и во имя ее, моя Тата, не забывай меня, а обо мне уже знаешь. Последнее письмо папы лежит передо мною, он пишет мне о тебе, что ты его очень любишь и веришь ему¹². Из этого ты можешь видеть, что он знал о твоей любви к нему.

Как бы хотелось быть возле тебя, но на это много препятствий. Да хранит тебя судьба и твое чистое сердце; теперь я не боюсь за тебя, ты скоро будешь знать, что делать. Обнимаю тебя крепко, крепко.

Твой верный друг М. Рейхель.

• Напиши мне, где положили папу.

Рейхель обнимает тебя и написал бы сам, но у него в настоящее время минуты свободной нет.

Будешь ты к Егору Ивановичу писать или хочешь, чтобы я написала?»¹³

Участник революции 1848 г., пылкий республиканец, долголетний знакомый Герцена Жан-Батист Боке писал А. А. Герцену из Лондона, прочитав о смерти его отца:

«Мой милый, дорогой Александр,

Если б я не был сам так болен, я сел бы в поезд и отправился в Париж, чтобы проводить твоего добрейшего отца¹⁴.

В течение двадцати трех лет, что я знал его, я не переставал им восхищаться и любить его глубоко, от всей души.

То был великий писатель — и еще более того — несравненно более того — то было великое сердце! Не знаю никакой похвалы, более высокой, чем эта. Каково сердце — таков человек; а ведь я не знал никого, кто бего превосходил в этом отношении. То была одна из тех избранных душ, для которых видеть истину и служить ей, — одно и то же. И он служил ей, вопреки всем опасностям. Это был один из самых отважных борцов нашей эпохи, столь богатой борцами.

Несмотря на все свои страдания, на все свои занятия, он был одним из самых счастливых вождей Демократии. Своим пером он потряс колосса русского деспотизма. Именно твоему отважному, твоему прекрасному опуту русские крестьяне в значительной степени обязаны своим освобождением.

Дружбу, которую питал ко мне твой отец, я считаю едва ли не самым большим счастьем, выпавшим мне на долю.

Я горжусь ею.

Да, твой отец был одним из самых великих людей нашей эпохи, самым великим среди славян. Твоя скорбь исполнена славы. Пусть эта мысль ведет тебя всегда к добрым делам. Да не уронишь ты отца твоего своим падением.

Что касается тебя, мой дорогой Александр, ты знаешь, какое чувство глубокой привязанности, братской, хотел я сказать, всегда внушали мне

и ты и дорогая, добрая Тата. Первые уроки ты получил от меня, между нами вечная связь сердца и духа.

Сохрани же в своем сердце теплую, дружескую, я хотел сказать сыновнюю, привязанность, и я почувствую себя более счастливым в своей уединенной жизни, в своей лондонской пустыне.

После смерти отца ты унаследовал многочисленные обязанности, которые твоё сердце и возраст помогут тебе вынести без особых трудностей.

Вот ты стал теперь отцом своих сестер, этих больших детей, нуждающихся в осторожном и любовном руководстве. Твое доброе сердце и опыт сделают для тебя эти задачи очень легкими.

Передай же нашей дорогой, доброй Тате мои наилучшие пожелания — все, что может только подсказать живая дружба.

Пиши мне иногда, чтобы высказать все, что тебя и вас всех касается — тебя, твоей жены, твоих детей и сестер — всей твоей семьи.

Обнимаю тебя и обнимаю всех вас от всего сердца.

Твой старый друг Б. Б о к е.

Пришли мне *хорошую* фотографию твоего отца»¹⁵.

«Газеты принесли нам потрясающее известие о смерти вашего друга, — писал Огареву 24 января из Монпелье французский врач Л. Кост, познакомившийся с Герценом в 1865 г. и пользовавшийся его особым расположением. — Беру на себя смелость писать вам — не для того, чтобы попытаться утешить вас, но для того, чтобы сказать вам, что постигшее вас несчастье глубоко взволновало меня и всех моих. Мне довелось познакомиться с г. Герценом во время его недолговременного пребывания здесь пять лет тому назад, но он принадлежал к числу тех людей, с которыми нет необходимости долго встречаться, чтоб оценить их и полюбить. А какую доброту и сердечность проявлял он ко мне с тех пор в письмах; я сохранил их все, и они теперь для меня будут дороже всего на свете!»¹⁶

Каким умом обладал ваш друг и — в особенности — каким сердцем! И как отзывался он о вас! Вот вы одиноки теперь, какая кругом пустота! Я умолкаю — что мог бы я сказать вам еще в подобную минуту? Не откажите в любезности передать г-же Огаревой от имени г-жи Кост и моего, как мы сочувствуем ее горю; обнимите за всех нас вашу милую Лизу и позвольте мне в заключение пожать вам руку так, как я пожал бы руку Герцена. Л. К о с т.

«Прошу передать сыну вашего друга наши соболезнования»¹⁷.

Многолетний помощник Герцена в его издательской деятельности и глубоко преданный ему человек, Л. Чернецкий, писал из Женевы 25 января 1870 г.:

«Любезнейший Александр Александрович.

Всей душой желал я проститься с мертвым другом нашим, если нельзя было услышать его последнее живое слово. Но, видно, Тхоржевский или забыл о моей просьбе, или с похоронами в Париже нельзя было ждать. Может быть, это пустая форма. Но что же делать! Иногда пустейшая форма много облегчает великую боль.

Огарев выносит удар с удивительной резигнацией. Я у него всякий вечер. При воспоминании только, как, например, с почтенным стариком Тассинари¹⁸, который, проездом в Лондон, навестил его несколько дней тому назад — не мог удержаться от слез, рассказывая мне об этом, но вообще держится хорошо. Вчера он получил письмо от Марии Каспаровны Рейхель. Жалуется, что о смерти узнала только из газет¹⁹.

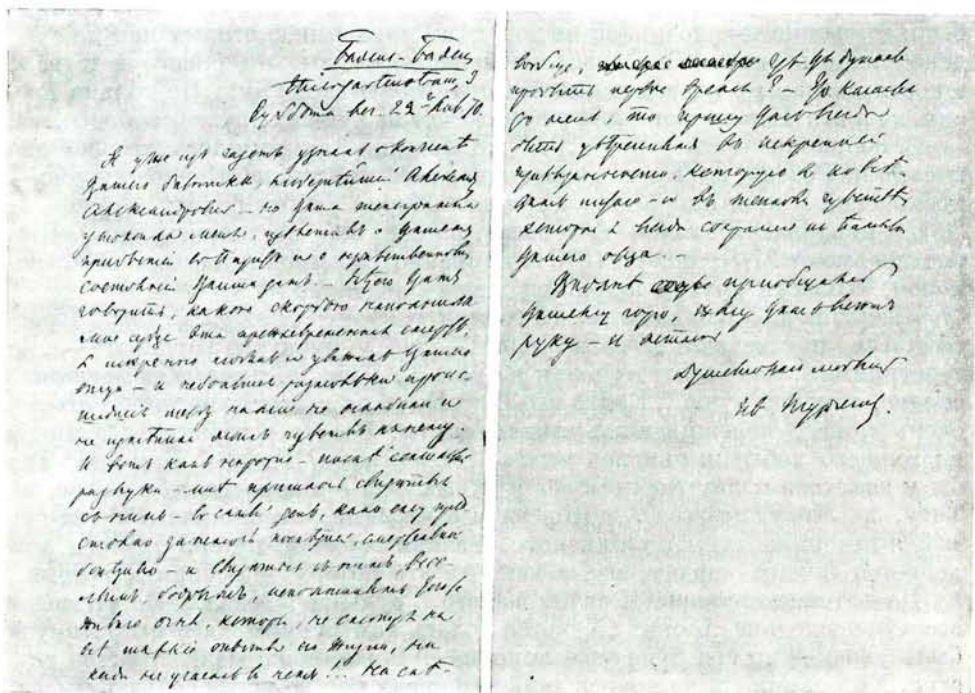
Как вы, Александр Александрович, как все ваши? Передайте от нас обоим дружеский поклон всем и желание разделить великую грусть вашу.

Дружески жму вам руку. Л. Ч е р н е ц к и й»²⁰.

«Мой дорогой Герцен, — писал Александру Александровичу из Форли 26 января 1870 г. известный итальянский революционер А. Саффи. — Вы знаете, какая дружба связывала меня с вашим отцом. Утрата, о которой сообщила нам телеграмма, опубликованная в газетах, поразила меня сердечной болью, личной, глубокой. Г-жа Натали²¹ написала Нине²² в прошлом месяце, что он болен и нуждается в полном покое и отдыхе.

Эти слова нас сильно огорчили, но мы были далеки от мысли о предстоящем несчастье.

Как я уже писал г-же Натали, хотя наши встречи не были так часты теперь, как бывало, хотя наша частная жизнь в Италии не имела больше

АВТОГРАФ ПИСЬМА И. С. ТУРГЕНЕВА К А. А. ГЕРЦЕНУ ОТ 22 ЯНВАРЯ 1870 г.
О СМЕРТИ ГЕРЦЕНА

«Пражская коллекция»

Центральный архив литературы и искусства, Москва

связи с его жизнью, — ни время, ни расстояние не ослабили моей привязанности к нему — его смерть пробудила ее в полной силе. Целая фаза моей жизни — фаза серьезная: изгнание — возрождает в моем воспоминании образ Герцена в его лучших чертах. Он любил меня, и я сильно любил его. И до конца жизни я его не забуду.

Если сочувствие в постигшем вас горе может его облегчить, мое сочувствие со всей силой братского чувства к вам и вашим сестрам принадлежит вам.

И Нина, любившая вашего отца так же, как я, просит меня передать всем троим выражение искреннего горя, которое она разделяет с вами.

Она просит вас вручить прилагаемое письмо г-же Натали, которая рекомендовала нам адресовать наши письма в Париж до востребования. Но мы не уверены теперь, что кто-нибудь из вас находится там.

В этом состоянии неуверенности мы просили г-жу Маттеней во Флоренции передать вам это письмо, где бы вы ни находились.

Прощайте, мой дорогой друг. Через несколько месяцев я еду во Флоренцию и надеюсь при этом случае иметь возможность пожать вам руку.

Прощайте. Горячо любящий вас А. Саффи²³.

«Дорогой Александр! — писала 26 января дочь лондонской знакомой Герцена, приятельницы Роберта Оуэна, Каролина А. Биггз (она впервые встретила с Герценом и его детьми в 1850 или в 1851г. в Ницце и с тех пор поддерживала с ними дружеские сношения). — Мы узнали из газет о печальной утрате, которую понесли вы и ваши сестры; что за грустный повод для выражения вам нашей глубокой симпатии!

Вот уже около двадцати лет прошло с того времени, как мы детьми встретились впервые с вашим отцом, и с тех пор он и вы все постоянно были мысленно вместе с нашими дорогими друзьями, которых нам не суждено увидеть снова. Ряд счастливейших воспоминаний нашего детства и юности связаны с посещениями вашего отца и вас самих. Не только Россия, но и вся Европа потеряла в нем одного из лучших друзей свободы...»²⁴.

В собрании писем «пражской коллекции» сохранилось только два письма из России, вызванные известием о смерти Герцена. Первое письмо — московской приятельницы Герцена Марии Федоровны Корш от 30/18 января 1870 г. (см. его выше, на стр. 385 настоящего тома). Второе письмо от 27/15 января 1870 г. написано Татьяной Алексеевной Астраковой, близким другом покойной жены Герцена²⁵:

«Свершилось! Что сказать: 12-го мне говорят: „Его уже нет!“ Я рас-смеялась и отвечаю: „Охота верить, — здесь давно его хоронят!“ — „Да телеграмма...“ — „Читаю и глазам не верю... Думала, думала, и защемило сердце, замерла душа... Будто его нет? Быть не может... да, да... Тяжело, очень тяжело переживаются такие минуты. Вместе с горьким сознанием настоящего события явилась мысль: „Что с вами? Где вы? Как вы?“ Так бы и полетела к вам (да крыльев нужных нет) — посмотрела бы на вас, на Тату, на Лизу, на всех... погоревала бы с вами, поплакала... С тех пор как я потеряла столько близкого, всякая горячая потеря другого мне делается близка сердцу, ну, а ваша, а эта потеря и говорить нечего...

Да что же это такое? И зачем все это... судьба? Предел... Не утешение все это; последние строки: „Хочется подать вам руку“²⁶, а я и протянула было свою — но его рука уже холодна... Боже, боже мой! Страшно грустно. Хотела писать на другой день, но до сих пор не могла собрать мысли; да и теперь все что-то смутно, неясно. Да отчего же все это, и как это случилось?.. Хотелось бы слышать все подробности... Наталья Алексеевна! Таточка! Умоляю вас, будьте тверды — ведь это закон природы... Что я говорю?.. Ну да что же и сказать больше?.. А что с Ог(аревым)? Где он? Что с ним?.. Дорогие мои, как мне тяжело, тяжело за вас всех... О, если б мне увидеть вас! Обняла бы вас, впиалась бы в вас... Тата! Тата! Лиза милая, бедная Лиза!..

Нет, не могу больше писать, надо немного придти в себя...

Обнимаю вас, мои милые, всех обнимаю и шлю мои слезы на его могилу... Ваша всей душой

Т. Астракова²⁷.

Приведенными выше письмами, разумеется, не исчерпываются все отклики на смерть Герцена, полученные его родными и близкими²⁸: в «пражской коллекции» сохранилась лишь часть этих писем. Но и они являлись свидетельством влияния Герцена на его современников, глубокого чувства любви и уважения, которое он внушал всем вступавшим с ним в личное соприкосновение²⁹.

¹ Далеко не полный обзор некрологов Герцена, помещенных в русской и заграничной печати, см. в комментариях М. К. Лемке — ХХI, 564—575 и ХХII, 147—148.

² «La Marseillaise», №№ 72—73 от 2—3 марта 1870 г. — Подлинник на француз-

ском языке.—Бакунин ознакомил Огарева со своей статьей о Герцене еще в рукописи (см. «Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву». СПб., 1906, стр. 364 и 374—376). Несколько цитат из публикуемой статьи Бакунина было приведено Лемке (XXI, 564).

³ «La Marseillaise», № 37 от 24 января 1870 г. О смерти «знаменитого республиканца Александра Герцена» «La Marseillaise» впервые известила своих читателей накануне, 23 января, в заметке, подписанной Morot, обещав посвятить «этому огромному интеллекту, этому доблестному сердцу» специальную статью в следующем номере. Именно Герцену,— писала газета,— Россия обязана тем, что вступила в современную жизнь, в жизнь всеобщей справедливости, объединяющей все народы». «La Marseillaise» сообщала при этом, что гражданское погребение Герцена состоится в воскресенье в полдень. Здесь же был указан парижский адрес Герцена: Rue Rivoli, № 172.

На следующий день, в № 37, «La Marseillaise» напечатала, помимо процитированного нами некролога Дерёра, извещение (также подписанное Дерёром) о том, что похороны Герцена состоятся не в полдень, как было ранее объявлено по ошибке, а в 11 часов, и что семья Герцена просит своих многочисленных друзей рассматривать это объявление как приглашительное письмо.

Отметим, что обе упомянутые заметки были помещены в «La Marseillaise» с опозданием (явно по вине редакции), что также должно было сбить с толку тех, кто желал отдать последний долг Герцену. Так, в заметке Morot, напечатанной в воскресенье 23 января, сообщалось, что Герцен умер «сегодня <!> утром» и что гражданские похороны состоятся «в воскресенье в полдень», а заметка Дерёра уточнила час похорон, через день после того, как они состоялись.

25 января в «La Marseillaise» появилась статья Collot, в которой описывались гражданские похороны Герцена. «За несколько минут до обозначенного времени,— писал Collot,— большое число демократов собралось в доме умершего. Мы заметили среди них граждан Этьена и Эманоэля Араго, Шассена, Мальярде, Массоля, Анри Мартена, Мильера. Но многие другие, предполагая, что погребальная процессия отправится по обыкновению позднее, не успели прибыть, однако еще до того даже, как все часы отзвенели одиннадцать, катафалк вдруг тронулся, и с такой быстротой, что большинство присутствовавших, спохватившись, вынуждено было бежать за катафалком, чтобы замедлить его ускоренную езду». Далее Collot привел речь Вырубова на могиле Герцена и заключил свою статью следующим сообщением: «В течение всего дня многочисленные граждане являлись в контору „La Marseillaise“ с протестом против успешности администрации общества похоронных процессий, которая помешала им отдать последний долг знаменитому представителю русской демократии» (ср. XX, 147—148).

⁴ Укажем здесь еще несколько некрологов и некрологических заметок о Герцене, опубликованных в иностранной печати и оставшихся неотмеченными в библиографии. 23 января 1870 г. на смерть Герцена откликнулась бельгийская газета «Journal de Charleroi», назвавшая его «знаменитым русским писателем» и отмечавшая, что «ум, страстность, красноречие являлись характернейшими чертами герценовского таланта». Это же сообщение было дословно повторено в «L'Indépendance Belge», № 23 от 25 января. Газета «Le Pays» (Брюссель) также напечатала 23 января сообщение о смерти «русского Маццини» — Герцена и представила его краткую характеристику, свидетельствующую о личном знакомстве автора с Герценом. «Это был человек среднего роста,— писала «Le Pays»,— с энергичным лицом, со взглядом гордым и добрым одновременно. Он носил бороду, уже начинавшую седесть, так же как и его волосы. Бесконечные странствования по Европе сделали Герцена замечательнейшим полиглотом». Описывая революционную и издательскую деятельность Герцена, «Le Pays» замечала, что, будучи «романистом, философом, историком, полемистом, Герцен с успехом и одинаково удачно владел всеми родами сочинений». О «Колоколе» Герцена автор статьи утверждал, что это было нечто вроде «La Lanterne» А. Рошфора, но что при издании ее Герцен «руководствовался взглядами более возвышенными и в особенности патриотизмом, более серьезным, чем патриотизм Рошфора».

Краткое сообщение о смерти Герцена поместила 23 января брюссельская газета «L'Echo de Bruxelles».

4 февраля 1870 г. в берлинской газете «Der Sozial-Demokrat», органе лассальянского Всеобщего германского рабочего союза, был помещен некролог, в котором, наряду с многочисленными ошибочными высказываниями о Герцене и его деятельности, содержалась и высокая оценка великого русского писателя и революционера, «одного из самых ревностных и самоотверженных передовых борцов за демократию». «Если Герцен и ошибался в своих социальных воззрениях,— писал анонимный автор некролога,— все же должно отдать справедливость его неустанным свободолюбивым стремлениям, которые сделали его для России тем же, кем Маццини является для Италии». «Александр Герцен был в высшей степени благородным человеком, одушевленным исключительной добротой и подлинным человеколюбием,— замечает в заключение автор статьи.— Политическая деятельность Герцена была одновременно и чрезвычайно честной и весьма настойчивой; своей агитацией он внес серьезный вклад в борьбу за отмену крепостного права в России...» (сообщено М. К. Пархоменко).

Ежедневная швейцарская буржуазная газета «Journal de Lausanne», сообщившая еще 22 января 1870 г. о том, что «знаменитый русский публицист Герцен очень болен в Париже», на следующий день писала в отделе хроники: «Слухи о смерти Распайля не подтвердились. Совсем напротив, его здоровье улучшается <...> Но другая личность, игравшая большую роль в рядах европейской демагогии, только что исчезла со сцены мира,— Герцен, главный редактор русской газеты „Колокол“, публиковавшейся в течение нескольких лет в Лондоне, а позднее в Женеве, и пользовавшейся некоторое время большим влиянием в России. Социалистические принципы, которые он поддерживал, находили себе страстных приверженцев среди молодежи, и заговоры, недавно раскрытые, являются прямым следствием его учения». Газета отмечает далее, что Герцен был связан с Гарибальди, Ледрю-Ролленом, Виктором Гюго «и всеми значительными личностями этой партии».

Парижский иллюстрированный журнал «L'Univers illustré» напечатал в № 785 от 29 января 1870 г. извещение о смерти Герцена, а в № 790 от 5 марта 1870 г.— портрет Герцена и некролог, подписанный Н. Verneu, в котором Герцен характеризовался как «знаменитый русский революционер, составивший себе также почетную репутацию в качестве романиста и публициста» и «человек редкой энергии и хладнокровия».

Известный лондонский критико-библиографический журнал «Athenæum» в анонимном некрологе, называя Герцена «вождем русской партии красных» и подробно освещая его литературную и революционную деятельность, особенно подчеркнул, что Герцен был подлинным русским патриотом, неспособным вступать в сделки с иностранными державами в ущерб своей родине, в чем его так часто обвиняли» («Athenæum», № 2205 от 29 января 1870 г.).

Отметим, что автор некролога сообщил здесь же, ссылаясь на слова самого Герцена, следующий, несомненно фантастический, рассказ о личной встрече Герцена с Николаем I на петербургском балу-маскараде:

«Во время своего пребывания в Петербурге в 1840 г., Герцен сам увидел своего могущественного врага — царя Николая — единственный раз в жизни. Одной из любимых забав императора было посещение маскарадов, которыми славится С.-Петербург. Он отправлялся туда в своем обычном мундире, и хотя все присутствовавшие в зале узнавали его, он упорно требовал, чтобы никто не подавал виду. Герцен, незадолго до того возвратившийся из ссылки, на одном из балов-маскарадов внезапно столкнулся лицом к лицу с царем, которого узнал по его гигантскому росту. Он невольно поклонился. Царь, державший под руку даму, остановился, с резким неодобрением взглянул на Герцена и снова заходил по комнате своим обычным шагом. Герцен тотчас же покинул бал, но ему всегда казалось, что император узнал, что именно был нарушителем его приказа, и что его изгнание „в Европу“ в 1840 г.<!> было результатом этой сцены».

Другой анекдот о Герцене был в разных вариантах напечатан в ряде французских газет и журналов. В основе его, вероятно, лежало разоблачение Герценом шпиона III Отделения статского советника Хотинского. Отметим, что еще в апреле 1861 г. Герцен иронически рассказывал о том, что «Кельнская газета» «написала об этом целый роман, как Тимашев подсылал к нам шпиона, как у нас был его портрет,— очень заманчивый». Герцен назвал эту историю «кельнской сказкой» (XI, 69). 9 января 1865 г. бельгийский «Journal de Gand» перепечатал аналогичную историю о Герцене из «Petite Revue», заверявшей читателей в полной достоверности изложенных фактов. Аналогичный случай сообщил и Verneu в цитированном нами выше некрологе из «L'Univers illustré».

«Вот анекдот о покойном публицисте Герцене,— писала, в свою очередь, «L'Etoile Belge» 29 января 1870 г.,— этот анекдот, насколько нам известно, не опубликован. Во время пребывания Герцена в Женеве ему был нанесен визит каким-то господином, отрекшемся от себя большим почитателем изгнанника.

— После довольно продолжительной беседы, которая, естественно, вращалась вокруг сочинений, коим посетитель расточал прочувствованные похвалы и, казалось, полностью принимал выраженные в них идеи, заговорили о преследованиях русского правительства и о надзоре, осуществляемом им над изгнанником.

— Вам необходимо,— сказал посетитель,— постоянно бороться с непрекращающейся слежкой тайных агентов. Не приходится ли вам иногда принимать у себя сотрудников полиции?

— Да,— отвечал Герцен,— вот, например, я недавно получил из Петербурга известие о прибытии в Женеву одного из этих господ. Мне прислали даже его фотографию. Посмотрите-ка, вот она.

Он вынул из бумажника фотографию и показал своему собеседнику. Тот поблдевел: то был его собственный фотографический портрет».

⁵ Цитируем по книге: Gaby V i n a n t. Un esprit cosmopolite au XIX siècle. Malwida de Meysenbug (1816—1903). Sa vie et ses amis. P., 1932, p. 241 —Приводим текст письма Огарева, до сих пор не известного русским читателям, во французском подлиннике:

«Chère Malwida,

Si je n'ai pas encore écrit c'est que je suis muet et reste stupide et ne peux encore comprendre. Comment cela es til arrivé? Ce que je ressens seulement, c'est que j'ai tout perdu et que je demeure seul. Je n'aurais jamais cru survivre. Cela me semble antinaturel, mais le fait est là, je reste pour notre travail.

Je ne suis pas en état d'écrire plus longuement, mes larmes coulent, ma main refuse d'écrire.

Votre O g a r e f f.

⁶ ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 293. — Подлинник на французском языке. Там же хранится следующее письмо Н. А. Тучковой-Огаревой к Огареву от 14 февраля 1870 г., окаймленное траурным бордюром:

«Пиши же иногда, Огарев. Скоро я сама увижу тебя — в первый раз *без него*.

Будем вместе исполнять хоть сколько возможно *его* желание относительно Таты и Лизы. Они теперь как сестры. Тебе хоть это будет приятно видеть.

Прощай, крепко жму твою руку.
N.

Получила горячее письмо от Татьяны Алексеевны <Астраковой>» (см. выше).

⁷ Gaby V i n a n t. Цит. изд., стр. 243.

⁸ Там же, стр. 243—244.

⁹ ЦГАЛИ, ф. 5770, ед. хр. 293, лл. 30—31. Там же хранятся следующие три неизданные записки И. С. Тургенева, адресованные Н. А. Герцен и Н. А. Тучковой-Огаревой и написанные во время предсмертной болезни Герцена (лл. 3, 29 и 32):

1

<Париж. 17 января 1870 г.>

Любезнейшая Наталья Александровна, известите меня, как ваш батюшка себя чувствует и как он провел ночь? Я буду у вас около 4-х часов.

Преданный вам

Ив. Т у р г е н е в

Понедельник *
Rue Laiffite
Hôtel Byron.

2

<Париж. 19 января 1870 г.>

Любезная Наталья Алексеевна, я получил телеграмму, вследствие которой должен сейчас уехать в Баден, и не могу дожидаться перемены в болезни Герцена. Сделайте одолжение, известите меня о нем, адресуя в Баден. Я вам крайне буду благодарен. Желаю вам всем всего лучшего.

Преданный вам

Ив. Т у р г е н е в

Среда

Р. С. Пригласите доктора и сиделку!

3

Баден-Баден, Thiergartenstrasse, 9
Пятница, 21-го января 1870 г.

Любезнейшая Наталья Александровна, я горько сожалею о необходимости, заставившей меня уехать из Парижа до перелома болезни вашего батюшки, — и вы бы крайне обязали меня, если б одним словом известили о состоянии его здоровья и о том, приехал ли ваш брат. Буду с нетерпением ожидать вашего ответа, а пока прощу передать мой поклон всем вашим и верить в искренность моей преданности.

Ив. Т у р г е н е в

¹⁰ ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 293, лл. 22—23 об.

¹¹ Там же, ед. хр. 167, л. 1.

¹² Письмо Герцена от 22 ноября 1869 г. (XXI, 527—528).

¹³ ЦГАЛИ, оп. 1, ед. хр. 293, лл. 24—25.

¹⁴ За две недели до смерти Герцена, 4 января 1870 г., Боке навещил его в Париже (XXI, 547).

¹⁵ ЦГАЛИ, ед. хр. 293, лл. 19—20 об. — Подлинник на французском языке.

¹⁶ Эти письма Герцена к Косту неизвестны.

¹⁷ ЦГАЛИ, ед. хр. 293, л. 6—6 об. — Подлинник на французском языке.

¹⁸ Валериан Тассинари — повар-итальянец, рекомендованный Герцену Дж. Маццини.

¹⁹ См. это письмо выше, на стр. 532.

²⁰ ЦГАЛИ, ед. хр. 293, л. 28—28 об.

²¹ Г-жа Натали — Н. А. Тучкова-Огарева.

²² Нина — жена Саффи.

²³ ЦГАЛИ, ф. 5770, ед. хр. 293, лл. 17—18. — Подлинник на французском языке.

²⁴ Там же, л. 4—4 об. — Подлинник на английском языке.

²⁵ См. «Лит. наследство», т. 62, 1955, стр. 9—22.

²⁶ Это письмо Герцена, цитируемое Астраковой, неизвестно.

²⁷ ЦГАЛИ, ед. хр. 293, л. 26—26 об.

²⁸ В «пражской коллекции» сохранилось еще несколько писем, вызванных смертью Герцена.

22 января 1870 г. с выражениями соболезнования обратилась к Н. А. Герцен вдова эмигранта В. И. Касаткина — Елизавета Васильевна (л. 27). В тот же день написал А. А. Герцену флорентинский адвокат Эмиль Фогт: «Ты не можешь вообразить, — писал Э. Фогт, — насколько я был поражен известием о смерти твоего отца; у меня такое ощущение, что умер один из членов моей собственной семьи и один из тех, чье здоровье казалось мне достаточно могучим, чтоб отвести все опасения близкого конца <...> Я мало знал его, однако достаточно для того, чтобы повянуть ту ужасную пустоту, которая образуется в твоей жизни от этой утраты. Он будет жить в наших сердцах» (л. 5—5 об. — Подлинник на французском языке).

23 и 24 января 1870 г. с письмами к А. А. Герцену обратился из Лондона его бывший учитель, естествоиспытатель Юлиус Альтгауз. «Дорогой друг! — писал он во втором письме, — я должен сказать вам, как больно поразило меня полученное на днях печальное известие о смерти вашего уважаемого отца. Пролетело уже пять лет с тех пор, как я видел его в последний раз, но его образ как живой стоит перед моими глазами, и моя дружба к нему остается неизменной. Он принадлежал к людям, которых от нас не отделяет даже длительная разлука» (лл. 6—6 об. и 13—13 об. — Подлинник на немецком языке).

Адвокат Мориз Бердушек сообщил 24 января А. А. Герцену из Пизы о том, что о смерти Герцена он прочел в итальянской газете «Nazione», и выражал удивление, что «так внезапно мог умереть человек, столь сильный и бодрый» (л. 16—16 об. — Подлинник на немецком языке).

Один из английских знакомых Герцена, Geo Hilmitch, писал А. А. Герцену 29 января из Лондона: «Я прочел с глубоким сожалением и грустью извещение о смерти вашего отца в прошлую субботу утром. Я уверен, что это — огромное испытание для вас всех и непоправимая утрата для его друзей. Прошу вас принять выражение моей искренней симпатии и большого уважения, которые я всегда питал к вам и всем вашим. Хотя я не встречался с ним уже много лет, у меня ощущение, что я видел его только вчера, — нелегко забыть, если хоть раз видел его. Я имел намерение зайти к нему в Женеве, когда был там весной, но он уехал раньше, чем мне удалось сделать это <...> Я постоянно гляжу на ваш портрет, и мы часто говорим о вас и о счастливых днях, проведенных вместе в Ричмонде...» (л. 29. — Подлинник на английском языке).

«Помните ли вы нашу беседу на Шато? — писала неизвестная нам корреспондентка Н. А. Тучковой-Огаревой в недатированном письме, подписанном инициалами А. G. — Какие предчувствия вас томили! Как ужасно это и несправедливо! Подобное сердце, подобный ум не должны были так рано исчезнуть <...> До конца жизни память о нем будет запечатлена в моем сердце вместе с другими дорогими мне воспоминаниями» (лл. 7—8. — Подлинник на французском языке).

В той же единичке хранения находится еще два письма с соболезнованиями: от Sarghan (из Флоренции, от 22 января 1872 г.), адресованное А. А. Герцену, и от Сарры П. Ремонд (из Италии, от 23 января), адресованное Н. А. Тучковой-Огаревой.

²⁹ Отметим, что в Отделе рукописей ЛБ хранится начало написанного Н. М. Сатинным некролога Герцена. Этот некролог, содержащий много фактических ошибок и написанный с явным желанием придать деятельности Герцена и его политическим взглядам узко утилитарный и либеральный характер, лишен сколько-нибудь серьезного интереса. Приводим здесь лишь несколько строк из этого не появившегося в печати некролога, принадлежавшего перу человека, в юности близко знавшего Герцена. «Это был боец до конца ногтей своих, — писал Сатин, — от юных дней и до последней минуты в жизни. Нельзя было соглашаться с его убеждениями, но кто его знал, нельзя было <!> не сознавать, что всю жизнь свою он проводил их с твердостью и истинно рыцарским благородством <...> Мне часто случалось читать и слышать, что Герцен был желчный человек (нечто вроде Робесьера). Это могли предполагать только люди, которые не знали его. Герцен был добродушнейшее существо и умер таким же добродушным и увлекающимся юношей, как я знал его сорок лет тому назад. Желчь его была не что иное, как врожденные ему юмор и острота, с которыми он действительно колот своих противников очень больно... но без слюны бешеной собаки, которой у него никогда не было. Стоит вспомнить его письмо к кн. В. (Beau masque). Ну, есть ли тут капля желчи? А между тем больно <...>

Я видел его в последний раз в 1860 году. Тогда „Колокол“ еще звучал, и звучал бесполезно; но и тогда Герцен (как и все прежде его бывшие эмигранты) чувствовал, что он теряет почву под своими ногами. И как он страдал от этого, как желал возвратиться в Россию и как он любил ее!» (ЛБ, Г.—О. XI, 28. Сообщено Л. Я. Ги и з б у р г).